

Е.И. Зеленов

Современное востоковедение, европоцентризм и «Восточный вопрос»

Аннотация. Современное китаеведение является составной частью востоковедения, представляющего собой самостоятельную область научного знания, требующего специальной подготовки на уровне бакалавриата, магистратуры, пятилетнего специалитета и аспирантуры.

В данной статье предпринимается попытка определить статус востоковедения в номенклатуре научных дисциплин современной России. Другая задача — проследить историческую логику развития востоковедения и связанной с ним африканистики в России и за рубежом, поместив рассуждения в контекст «Восточного вопроса». Наконец, решается задача определить и обосновать некоторые современные тенденции развития востоковедения и африканистики в российском образовательном и научном пространстве.

Ключевые слова: Востоковедение, западоцентризм, Восточный вопрос, российская система образования, номенклатура научных специальностей.

Автор: Зеленов Евгений Ильич, директор, Институт востоковедения и африканистики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» — Санкт-Петербург. E-mail: ezelenov@hse.ru

Evgeny I. Zelenev

Contemporary Asian and African Studies, Eurocentrism and the “Eastern Question”

Abstract. Contemporary Chinese studies, along with other regional directions of academic inquiry related to Asia and Africa, forms a multi-level array of modern Asian and African studies. The main task of it is to formulate a concept justifying that Asian and African studies in present-day Russia are an independent field of academic knowledge which corresponds to the educational model at a bachelor's, master's, five-year specialty and postgraduate level.

This article serves to achieve this goal. In it, the author makes an attempt to determine the status of Asian and African studies in the nomenclature of academic disciplines in

contemporary Russia. Another goal is to trace the historical logic of the development of Asian and African studies in Russia and abroad, placing the reasoning in the context of the “Eastern Question”. Finally, the author identifies and substantiates some current trends in the development of Asian and African studies in the Russian educational and academic space.

Keywords: Asian and African studies, Orientalism, Oriental studies in Russia, Oriental studies in the Soviet Union, The Eastern Question.

Author: *Zelenev Evgeny I.*, Director, of the Institute of Asian and African studies, the National Research University Higher School of Economics Higher School of Economics in Saint-Petersburg. E-mail: ezelenev@hse.ru

Российское востоковедение в исторической ретроспективе

Ручейки востоковедных знаний проникали в Россию из Европы в XVIII и XIX вв., особенно интенсивно это было в период просвещенного абсолютизма Екатерины II и позже, в период правления ее внуков, Александра I и Николая I [Бартольд, 1911].

Востоковедение, в первоначальном понимании — западная наука о Востоке, именуемая также ориенталистикой, возникло в России в XIX в. Имена востоковедов-европейцев, обретших в России вторую родину, широко известны: немцы Г.З. Байер (1694—1738), Г.Я. Кер (1692—1740), И. Иериг (1747—1795), Х.Д. Френ (1782—1851), Б.А. Дорн (1805—1881), французы Ф.Б. Шармуа (1792—1868) и Ж.Ф. Деманж (1789—1839), поляк О.И. Сенковский (1800—1858) и др. Они заложили фундамент классического востоковедного знания в России [Попова, 2015, с. 4—13]. Их дело продолжила блестящая плеяда дореволюционных российских востоковедов А.К. Казем-Бек (1802—1870), А.О. Мухлинский (1808—1877), В.Ф. Гиргас (1835—1887), В.П. Васильев (1818—1900), И.Н. Березин (1818—1896), В.В. Радлов (1837—1918), О.М. Ковалевский (1800—1878), В.В. Григорьев (1816—1881), В.Р. Розен (1849—1908), В.В. Бартольд (1869—1930), А.Е. Крымский (1871—1942) и многие другие [История..., 1997].

Накануне Первой мировой войны российская востоковедная школа получила международное научное признание, востоковедное образование в немногочисленных в то время российских востоковедных учебных центрах высоко котирировалось в Европе.

Европоцентристский характер российского востоковедения того времени не вызывает сомнения, однако уже тогда внутри российского востоковедения существовали две тенденции: первая, преобладающая, следовала в русле европейского востоковедения, изучая Восток с позиции наружного наблюдателя (этний подход); второе направление, важную роль в котором играли выходцы из восточных народов самой России, изучало Восток не только снаружи, по-европейски, но и изнутри, глазами инсайдера (эмный подход) [Pike, 1967, pp. 37—72; Елфимов, 2007, с. 449—450].

Сегодня нередко приходится слышать о так называемом мифическом историко-филологическом комплексе востоковедных знаний, который якобы имеет место в большинстве востоковедных программ российских университетов. Дей-

ствительно, данный комплекс существовал в российском и советском востоковедении с первой половины XIX в. до 30-х годов XX в.¹, полностью прекратив свое существование в СССР к началу Великой Отечественной войны.

В 1944 г. было принято решение восстановить востоковедное образование в Советском Союзе. Принципом нового советского востоковедного образования стало разделение как преподавателей, так и выпускников востоковедных учебных заведений исключительно на филологов и историков. Классической востоковедной историко-филологической, а правильнее было бы сказать, филолого-исторической амальгамы так и не возникло. Один год принимали абитуриентов на отделение истории, а другой — на филологическое отделение.

Послевоенные российские востоковеды, с огромным трудом добившиеся права находиться в зоне относительного комфорта в рамках научных парадигм филологии и истории, не решились идти трудным, да в то время еще и небезопасным путем воссоздания научного востоковедения как надотраслевой синтетической науки. Напомню, что речь идет о годах, когда надотраслевые науки, в числе которых было востоковедение и которые были призваны синтезировать новое научное знание на междисциплинарной основе, не пользовались официальной поддержкой. Вспомним печальную судьбу таких надотраслевых наук, как кибернетика, генетика, геополитика.

Сегодня в российском образовательном пространстве по-прежнему преобладает подготовка либо востоковедов-филологов, либо востоковедов-историков, хотя спрос на востоковедов-международников, политологов, социологов, экономистов, культурологов, вообще широко и междисциплинарно образованных специалистов со знанием восточных языков огромен.

Востоковедение в российской классификации наук

Считается, что первое в СССР официальное определение востоковедения было дано академиком Виктором Владимировичем Виноградовым, который определил его как устойчивый интерес в науке к глубокому познанию и пониманию культурных ценностей, главным образом, народов Востока. В этом определении совсем не говорится об образовательном содержании востоковедения, а научный смысл востоковедения сводится к «устойчивому интересу в науке».

Возрожденное после 1944 г. российское востоковедное образование не сопровождалось восстановлением научных позиций востоковедения, которое не было признано самостоятельной научной дисциплиной. Во втором издании Большой советской энциклопедии (1951) в пространной статье с названием «Востоковедение» говорится, что востоковедение — «исторически сложившаяся совокупность научных дисциплин, изучающих историю, экономику, языки, литературу, искусство, памятники материальной и духовной культуры Востока» [Востоковедение, 1951, с. 193]. Востоковедение не вошло и не входит в реестры

¹ В 1930 г. востоковедение было удалено из учебных программ советских университетов.

Минобрнауки как самостоятельная научная специальность. В то же время востоковедение утвердилось как образовательная модель в форме пятилетнего востоковедного специалитета, а в Российской Федерации в качестве востоковедной образовательной модели бакалавриата и магистратуры. Именно поэтому в современной России есть востоковеды-бакалавры и востоковеды-магистры, но нет ни одного востоковеда-кандидата или доктора наук по востоковедению. Парадоксально, но факт: 22 российских университета ведут подготовку тысяч востоковедов на уровне бакалавриата и магистратуры, которые после окончания не имеют возможности продолжить научную карьеру как востоковеды, поскольку такой научной специальности официально не существует.

Напомним, что согласно международной классификации, имеется три уровня наук. Первый — области науки, их шесть: естественные, технические, медицинские, сельскохозяйственные, общественные, гуманитарные; второй уровень — отрасли науки, их десятки: филология, история, антропология, экономика, право и многие другие; наконец, научные специальности, которые исчисляются уже сотнями. Где в этом перечне могли бы найти свое место востоковедение и африканистика? К отраслевым научным дисциплинам современное научное востоковедение отнести сложно, поскольку на протяжении XIX и XX вв., когда возникало большинство современных отраслевых наук, востоковедение сохраняло надотраслевой характер, оставаясь комплексной научной и учебной дисциплиной. Научный продукт востоковедения, наряду с отраслевыми работами в русле научной эпистемы лингвистики, литературоведения и истории, в большинстве своем носил междисциплинарный и даже трансдисциплинарный характер [Аликберов, 2022]. Надотраслевой уровень имеет очень немногие области научного знания, например, в последнее время к ним относят нанотехнологии и генную инженерию. В этом ряду достойно стоять и востоковедению.

По существу, это означает, что современное российское востоковедение, коль скоро оно претендует на статус самостоятельного научного направления, должно обрести собственную парадигму научного знания, которая неизбежно может быть только надотраслевой.

Сегодня в России официально востоковедная образовательная модель причислена к укрупненной группе специальностей и направлений подготовки «гуманитарные науки и языки», хотя очевидно, что в реальности многие востоковеды успешно реализуют себя также и в сфере социальных наук (укрупненная группа «науки об обществе и человеке»). Было бы справедливо признать востоковедение одновременно и гуманитарной, и социальной (включая политические) наукой, поместив его в ряд надотраслевых наук, выше отраслевых.

Схема классификации наук с включением в них востоковедения могла бы выглядеть следующим образом: области научного знания — социальные и гуманитарные науки. Строчка ниже — надотраслевые науки, где располагается Востоковедение и африканистика. Еще ниже находятся отраслевые науки — филология, история, антропология, культурология, экономика, социология, политология, этнология, правоведение, психология, управление, обществознание и другие.

Что такое востоковедение?

Востоковедение и тесно связанная с ним африканистика — комплексная надотраслевая научная дисциплина и соответствующая ей модель образования, объектом изучения которой выступает человек, общества и культуры азиатско-африканского ареала, а методологией — комплексное применение методов гуманитарных и социально-политических наук с целью получения качественно нового знания благодаря методологии междисциплинарного и трансдисциплинарного анализа.

Важнейшим объектом изучения востоковедения во все времена был человек с его многогранными отношениями с мирами, внутренним и внешним, его язык и в самом широком смысле культура. Сегодня этот объект научного изучения формально никак не связан с востоковедением, а принадлежит антропологии, хотя именно антропологический подход всегда занимал фундаментальное место в востоковедении, делая объект его изучения четким и понятным. Де-факто антропологический подход, наряду с филологическим, историческим и культурологическим аспектами обучения, остается краеугольным камнем востоковедного образования. Причем антропология как прикладная наука может дать востоковеду только базовые методики, а фундаментальный научный опыт он должен обрести сам в процессе междисциплинарного и трансдисциплинарного исследовательского синтеза, совмещая антропологический подход с филологическим, историческим и иными методами отраслевых гуманитарных и социально-политических наук. Поэтому весьма часто востоковедение именуют синтетической наукой.

Если отталкиваться от реалий современного востоковедного образования в России, то науками, которые составляют фундамент востоковедного образования, остаются филология, история, культурология и антропология. Они могут достраиваться сообразно способностям и желаниям студента комплексом других гуманитарных, политических и социальных отраслевых наук, в первую очередь, экономикой, политическими науками, теоретическими и историческими аспектами международных отношений, правоведением и т. д. и т. п.

От «Введения в востоковедение» к «Постижению образа мира»

Есть ли пределы или, как принято говорить, горизонты востоковедного образования? Можно ли на уровне образования рассуждать о некой универсальности востоковедного знания? А как быть с таким казусом, когда ученый, изучающий китайскую прозу на китайском, гордо именуется востоковедом и при этом филологом-литературоведом, а его коллега, изучающий китайскую же прозу того же писателя, но на английском языке, уже просто филолог-литературовед? Специалисты в области европейских языков — лингвисты, а в области восточных — востоковеды-лингвисты. Весьма непросто найти объективное различие между востоковедом-историком и просто историком. Автор этих строк, востоковед-историк, искренне не понимает, какой смысл в среде коллег-историков имеет добавление слова «востоковед». Это означает, что это историк какого-то иного особого рода? Абсурд! Или другой пример: изучающий историю Крыма в составе Османской империи — востоковед-историк, а историю того же

Крыма в составе СССР, Украины или РФ изучает уже просто историк. Нелепость! А как быть со странами пограничного историко-культурного бытования? Например, грузиноведение, это область востоковедного знания или нет?

Именно эти размышления подтолкнули коллектив ученых Санкт-Петербургского и Московского университетов, НИУ «Высшая школа экономики», РУДН, МГИМО и некоторых других авторов в период между 2007 и 2012 гг., опираясь на грантовую поддержку, провести работу по созданию учебных пособий для студентов бакалавриата, магистратуры и аспирантуры. В итоге возникла трилогия учебников, из которой наибольшую известность приобрел первый том — «Введение в востоковедение», два же других, менее известных — это «Концепции современного востоковедения» и «Постижение образа мира». Каждый том трилогии был адресован определенной студенческой аудитории, представляя собой учебные, а отнюдь не научные издания. «Введение в востоковедение» предназначалось студентам первого курса востоковедного бакалавриата, которым читался одноименный учебный курс. Причем студентам-первокурсникам надлежало рекомендовать фрагменты книги в зависимости от модели востоковедного образования, принятой в вузе, и конкретной востоковедной специальности. Вторая книга трилогии «Концепции современного востоковедения» была адресована студентам завершающего четвертого или пятого года, в зависимости от модели обучения в бакалавриате, и должна была, прежде всего, пробудить у них интерес к комплексным методам востоковедного научного знания, привить им вкус к междисциплинарным исследованиям.

Финальный том — «Постижение образа мира», был адресован магистрантам-востоковедам первого или второго года обучения. В его подготовке участвовало более десяти известных ученых и педагогов, поименно названных в предисловии, но в итоге книга вышла за подписью одного человека: такова была воля участников проекта, полагавших, что их вклад в итоговый текст был незначительным. В третьем томе поднимался вопрос о задачах современного востоковедения, которое рассматривалось как надотраслевое научное знание, для которого отраслевые гуманитарные, социальные и политические науки создавали совокупный исследовательский инструментарий. В книге говорилось, что современные востоковедные исследования могут приобретать междисциплинарный характер, выходить за рамки отраслевых наук и рождают принципиально новое знание и новую междисциплинарную методологию, которые могли возникнуть только в трансдисциплинарной интеллектуальной среде надотраслевого научного знания. Целью востоковедного научного поиска объявлялось формирование целостного Гуманитарного научного образа мира, создать который методами отдельных отраслевых гуманитарных, социальных либо политических наук практически невозможно.

Эти книги вызвали дискуссии, была и критика, в том числе, и весьма острая. «Концепции современного востоковедения», например, критиковались в принципе, как поднимающие опасные для существования бинарной историко-филологической модели востоковедного образования вопросы о соотношении востоковедения и отраслевых наук. Говорилось, что вообще не стоит поднимать эту тему — пусть востоковедение остается «тайным знанием избранных».

На самом деле такая позиция имеет право на существование, поскольку до сих пор преобладает бинарная модель востоковедного образования, готовящая преимущественно только историков или филологов. Вопрос состоит в том, удастся ли защитить такую позицию сегодня в обстоятельствах, когда о сущности востоковедения спрашивают все настойчивее, а спектр требований к востоковедной подготовке становится все шире и универсальнее, но в то же время и конкретнее?

Научное востоковедение в XXI в.

Вопрос о праве востоковедения иметь статус научной дисциплины носит риторический характер. Дело в том, что западный аналог востоковедения, часто по традиции именуемый ориенталистикой, но гораздо шире известный как азиатско-африканские исследования (Asian and African studies) продолжает существовать в разных национальных образовательных школах. Некоторую одиозность понятию «ориентализм» придала дискуссия, порожденная в свое время работой американско-палестинского литературоведа и культуролога Эдварда Саида «Ориентализм» [Said, 1978]. Смысл критики Саида состоял в том, что европейские и, шире, западные востоковеды, стоя на позициях западоцентризма, порой неосознанно, но чаще осознанно искажали реалии Востока, фактически подменяя их собственными представлениями и оценками, рожденными уже упоминавшимся выше этным подходом, то есть позицией внешнего наблюдателя, да еще к тому же отягощенной колониальными и неоколониальными предрассудками о собственном культурно-историческом превосходстве над объектом изучения. Ориентализм был квалифицирован Саидом как разновидность интеллектуального расизма. Позиция Саида, хотя и не встретила единодушной поддержки, была услышана мировой научной общественностью, породив ощущение неприятия понятия *ориентализм* как скомпрометировавшего себя проколониальностью.

Несмотря на негативную коннотацию, это понятие не только не исчезло из обихода западноевропейского востоковедения, но даже сохранилось в названиях ряда признанных центров европейского востоковедения. Крупнейший центр британского востоковедного образования и науки преспокойно носит название Школы ориентальных и африканских исследований (School of Oriental and African studies, SOAS, London), а в университете Лейпцига действует Институт ориенталистики (Orientalistisches Institut).

Все же в большинстве современных западных востоковедных центров при университетах востоковедение чаще именуют азиатскими и африканскими исследованиями (Asian and African studies). По этому научному направлению проходят защиты докторских диссертаций (PhD), присуждаются ученые степени. Степень доктора по азиатским и африканским исследованиям можно сегодня получить в Канаде (Университет Британской Колумбии), в США (Гарвардский университет), в Италии, Австралии, Германии и многих других странах. В Лондонском университете вообще можно получить ученую степень по такой самостоятельной отрасли научного знания, как «Chinese and Inner Asian studies» (Исследования Китая и Внутренней Азии). В Российской Федерации, увы, ниче-

го подобного сделать невозможно, так как востоковедение и африканистика лишены статуса научной дисциплины, по которой ведутся научные изыскания. Речь здесь идет не о заимствовании пресловутого западного опыта, а о здравом смысле, который требует снять бюрократический блок с огромного направления востоковедных научных исследований.

Востоковедение в современной России, по примеру других стран, стремится обрести право производить такой вид научной продукции как диссертации на соискание степеней кандидата и доктора наук. Двигаясь в этом направлении, российскому востоковедению следует не изолировать себя от отраслевых наук, и не ограничиваться только освоением филологии или истории, а напротив, подчеркнуть собственный надотраслевой характер, заявить о праве на использование собственной комплексной трансдисциплинарной методологии, твердо сказать о синтетическом характере многих прорывных востоковедных исследований, имеющих междисциплинарный смысл. Речь идет как о самом научном тексте, так и о примененной при работе над ним методологии, не говоря уже о полученных вследствие ее использования результатах и выводах. Одним из стратегических направлений развития востоковедения в обозримой перспективе становятся кросс-культурные исследования, возникшие на почве психологии, а теперь стремительно распространяющиеся на многие гуманитарные и социальные науки.

Если вдуматься, то тезис о трансдисциплинарности востоковедения противоречит тому, что Томас Кун называл парадигмой научного знания — основы основ любой отраслевой научной дисциплины, границы которых новая востоковедная научная парадигма размывает. Те, кто внимательно читал этого романтика истории науки, помнит с каким творческим азартом Кун писал о «черных лебедях» в науке, об архаизации научных парадигм и их неизбежной модернизации, а то и полной замене, как средстве спасти саму науку. Возможно, в этом обновлении научных парадигм многих отраслевых наук и состоит подлинная миссия научного востоковедения!

Исторические аналогии и параллели

Обращение к истории науки необходимо, чтобы убедить научное сообщество в необходимости время от времени выходить из «зоны комфорта», которую создает уже сложившаяся парадигма научного знания. Корректировка имеющейся парадигмы научного знания — естественный процесс научного роста, признак качественного перехода научного знания на новый уровень. Она позволяет сформировать научную платформу, которую поддерживает влиятельная часть научного сообщества, готовая к поступательному развитию своей науки. Без этого единомыслия влиятельной части научного сообщества движение науки вперед невозможно.

В истории одной науки был весьма примечательный эпизод. В 1904 г. выдающийся английский географ и геополитик Хэлфорд Маккиндер на заседании Королевского географического общества произнес знаменитую речь «Географическая ось истории», в которой призывал сообщество географов признать очевид-

ное и принять в состав географических специальностей также и геополитику¹, область научного знания, рожденную на стыке географии и политической теории. Увы, его призыв не был услышан, а надотраслевая геополитика ушла в трудное, но самостоятельно плавание. Оставаясь важной отраслью практической политики и политологического теоретического знания, геополитика так и не стала признанной самостоятельной научной дисциплиной. Стремясь избежать повторения этого пути российским востоковедением, предлагаю ответить на ряд вопросов, которые были заданы более ста лет назад Маккиндером, но в нашем случае уже применительно к востоковедению.

Во-первых, что такое востоковедение? Кажется странным задавать такой вопрос, когда востоковедению уже более 200 лет, и оно занимает прочное место в системе российского образования. Тем не менее вопрос правомерен и актуален, поскольку именно сейчас логика исторического развития требует для востоковедения все более заметного места в учебных программах высшего и среднего образования, а от специалистов-востоковедов требуются все более широкие и одновременно специализированные знания для удовлетворения экспертных запросов в области политики, экономики, культуры, идеологии, социальной жизни народов Азии и Африки. Мир практической политики и образования, отдавая должное тому факту, что востоковедение и востоковеды проделали грандиозную работу по обобщению знаний о странах Азии и Африки, спрашивает: «Так что же такое востоковедение и что оно может?». Из этого вопроса вырастает другой — о предмете и методах востоковедения как науки.

Вышеприведенный абзац фактически близко к оригиналу повторяет текст, прочитанный Маккиндером в 1904 г., в котором слово «география» заменено на слово «востоковедение» и допущены незначительные смысловые изменения и дополнения [Маккиндер, 2021, с. 7]. Да простит меня мэтр геополитики за вольное обращение с его текстом, но великое потому и ценится, что легко осовременивается, стоит лишь немного поменять ракурс рассмотрения проблемы. Вопросы, заданные более ста лет назад Маккиндером применительно к географии, необычайно актуальны сегодня, но уже применительно к востоковедению.

Важнейший из этих вопросов — является ли востоковедение единой надотраслевой наукой, имеющей в качестве методологического инструмента трансдисциплинарный синтез, или оно включает в себя несколько отраслей научного знания, например филологию, историю и некоторые другие, применяемые востоковедами, но далеко не всегда в формате междисциплинарного и трансдисциплинарного синтеза?

Чтобы парадигма научного знания пришла в движение, необходимо дать на эти вопросы такие ответы, с которыми бы согласилось научное сообщество востоковедов, что, увы, непросто. Декларативные заявления и лозунги здесь не помогут. Попробуем поискать ответы на поставленные вопросы в еще более глубоких исторических параллелях.

¹ Собственно название «геополитика» тогда не было произнесено, поскольку оно еще не существовало, но призыв к изменению научной парадигмы географии в пользу сближения ее с политической реальностью звучал.

Востоковедение в период 1773—1918 гг.

Не претендуя на оригинальность, тем более на знание истины, рискну выдвинуть гипотезу, имеющую историческое основание, но выводами устремленную в будущее. Речь идет о «Восточном вопросе», а именно об исторической концепции о колониальном разделе Османской империи. Не вдаваясь в детали и обходя дискуссии, упрощу: Восточный вопрос как исторический феномен возник в последней трети XVIII в. Его авторство следует искать в трудах английских историков. Со временем концепцию поддержали представители других европейских исторических школ, включая российскую [Восточный вопрос..., 1978]. Постановка вопроса о разделе Османской империи между европейскими империалистическими державами возникла благодаря европейской промышленной революции конца XVIII в., которая позволила ведущим странам Европы установить политико-экономический контроль над значительными пространствами Азии и Африки.

Европейский капитализм победил азиатские способы производства и установил колониальную зависимость над большинством стран Азии и Африки. По мнению ряда историков, знаковой вехой генезиса Восточного вопроса считается заключенный в 1773 г. Кючук-Кайнарджийский мирный договор между Россией и Османской империей, по которому важный геополитический субъект — Крым — перешел под патронаж Российской империи. Восточный вопрос как вопрос о судьбе Османской империи был разрешен в 1918 г. с окончанием Первой мировой войны. Османская империя была разгромлена и расчленена.

Именно в этот исторический период (конец XVIII в. — 1918 г.) сложилось имперское востоковедение, решавшее задачу изучения с позиции западоцентризма афро-азиатского региона, значительная часть которого стала объектом колонизации европейских держав. Одним из примеров такой взаимосвязи служит деятельность христианских духовных миссий в Китае и вызванное ею стремительное развитие китаеведения. Другой пример — поход Наполеона Бонапарта в Египет (1798—1801), давший стимул развитию египтологии. Аналогичные параллели прослеживаются в арабистике, индологии, тибетологии и других востоковедных областях знаний.

Напомним, что в российском востоковедении тогда преобладал комплексный подход, а прием абитуриентов осуществлялся на разряды, например китайско-маньчжурский, монголо-калмыцко-татарский, арабо-персидско-турецко-татарский и др. Разряды формировались по языковым и культурно-цивилизационным признакам — это был весьма прогрессивный для того времени метод, предвосхитивший развитие современных надотраслевых гуманитарных научных направлений.

В отличие от европейского и североамериканского российское востоковедение изначально имело двойственный характер. Наряду с привнесенным европейской традицией «европоцентризмом», существовала и восточная линия самопознания, так сказать, «евразийская», носителями которой были образованные представители Востока, но при этом подданные Российской империи. Фактор самопознания делал российское востоковедение наукой мировоззренческой, решавшей как научные проблемы, так и проблемы мироощущения и миропонима-

ния самих россиян [Van der Oye, 2010]. Между этими направлениями шла напряженная борьба, не дававшая, впрочем, победы ни одной из сторон, что до некоторой степени соответствовало двум течениям русской общественной мысли — славянофильству и западничеству. Политические коллизии отражались на востоковедении как на научном направлении и на востоковедном образовании.

Восточный вопрос — 2

Исторически Восточный вопрос исчерпал себя в 1918 г., однако его смысловое содержание не только не улетучилось с крахом Османской империи, но даже получило продолжение, которое мы определим понятием *Восточный вопрос — 2*.

Дело в том, что цели и средства решения первого Восточного вопроса были с незначительными уточнениями перенесены с Османской империи на Советскую Россию, а потом и на СССР. Восточный вопрос — 2, а именно задача колониального раздела СССР, решалась странами условного Запада с 1919 по 1991 г. — свыше 70 лет. Обратите внимание, что первый Восточный вопрос «решался» более 150 лет, то есть вдвое дольше, что свидетельствует об ускорении хода исторического времени.

В этот период (1919—1991) западное востоковедение продолжало развиваться в условиях невиданного по интенсивности возникновения отраслевых наук, которые отрывали от востоковедения целые отрасли гуманитарного и социального знания: социолингвистика ушла к филологам, обществоведение — к социологам, этнопсихология — к психологам, культурология и религиоведение — к философам. В итоге, доминантным признаком западного востоковедения как научной области стал акцент на изучении человека в разных средах — политической, экономической, культурной, социальной и др. Сегодня мы называем этот ракурс антропологическим (культурным и социальным).

В СССР имперское дореволюционное востоковедение, отделенное от своих западноевропейских «европоцентристских» корней, говоря народным языком, сошло на нет, растворилось к началу Второй мировой войны в отраслевых науках, прежде всего в филологической и исторической. Почему? Марксистская идеология играла в этом определенную роль, но не главную. Востоковедение подстроилось под марксизм, тем более что между мировыми войнами он еще был живым учением, чего не скажешь о позднем советском догматизме на почве марксизма. Востоковедение должно было и готово было служить мировой революции, но она не произошла. Концепция же строительства социализма в отдельно взятой стране (после 1925 г.) делала востоковедение ненужным, о чем было прямо написано в статье В.А. Гурко-Кряжина, помещенной в Большой советской энциклопедии 1929 г. [Гурко-Кряжин, 1929].

Возрожденное в 1944 г. советское востоковедение, прежде всего как образовательная модель, имело мало общего с имперским дореволюционным востоковедением. Поэтому, когда сегодня говорят о классическом востоковедении, то невольно возникает вопрос, что имеется в виду: царско-советское довоенное или советское послевоенное?

Выше уже говорилось, как возникло современное бинарное историческое и филологическое востоковедное образование и соответствующий ему бинарный продукт — научное востоковедение. Размышляя о причинах этого, невольно приходит на память множество примеров того, как прорывные перспективные идеи объявлялись ложными, а их авторы надолго лишались права их развивать, порой теряя свободу и гражданские права. Нет ничего удивительного в том, что стоявшие у истоков возрождаемого советского востоковедения ученые не решились воссоздать надотраслевое междисциплинарное востоковедение, придав ему синтетический филолого-исторический характер. Это была бы полумера, но все-таки шаг в нужном направлении. Этого не произошло, возможно потому, что, создав два направления востоковедения — историческое и филологическое, эти честные и образованные люди оказались в зоне относительного комфорта — не нужно было ничего изобретать или перестраивать, а можно было просто жить. Они так долго и трудно этого добивались! Справедливости ради отметим, что не все востоковеды смирились с тем, что многие междисциплинарные работы приходилось делать инициативно или вне официального научного пространства. Даже стала возникать какая-то междисциплинарность, но вернуться к тому надотраслевому востоковедению, которое требовало усилий, борьбы и риска, они уже не были готовы.

Восточный вопрос — 3, 4 и так далее

Восточный вопрос — 3 возник в 1991 г. По аналогии с двумя предыдущими его объектом стала часть евразийского пространства СССР, сохранившая свое политическое единство. Чтобы не быть голословным, сошлюсь на мнение известного североамериканского политолога и политического футуролога Джорджа Фридмана, который утверждает, что стратегия фрагментации России рассчитана на 30—40 лет и укладывается во временные рамки 1991—2025—30 гг. Отметим, что эта работа была переведена на русский язык и издана в издательстве «Эксмо» [Фридман, 2010, с. 80, 133, 167—168]. Она не отнесена к числу экстремистских сочинений. Рискну предсказать, что при любом исходе Восточного вопроса — 3 за ним последует Восточный вопрос — 4. Кто или что будет его объектом, сейчас сказать трудно, но список кандидатов на эту незавидную роль весьма внушительный. В нем есть место и Китаю, и Индии, и Японии, не говоря уже о таких геополитических феноменах, как Саудовская Аравия, Иран или даже Турция.

Какова же судьба российского востоковедения в интервалах 1991—2025—30 гг.? Прежде всего, констатируем некоторые факты: во-первых, российское востоковедение после 1991 г. сблизилось с западноевропейскими и североамериканскими азиатско-африканскими исследованиями, восприняв их объективизм и деидеологизацию, но также и элементы неокOLONиальной имперскости и западоцентризма. Антиколониальная риторика советского периода была свернута. Ее место заняли безусловно «западоцентристские» концепции «коллективной безопасности», «борьбы с международным терроризмом», «защиты социальных прав и свобод», «гендерное равенство». Принципиально изменилась тематика восто-

коведных исследований, которые все больше стали соответствовать западноевропейской и североамериканской научной повестке, многократно возросло количество востоковедных исследований, издающихся на английском и других иностранных языках, в том числе и за рубежом. Так продолжалось до 2008 г., когда разразился глобальный финансовый кризис, затем, после 2014 г. расхождения в политике РФ со странами условного Запада, прежде всего с США, стали стремительно нарастать, достигнув максимума после февраля 2022 г., когда РФ начала специальную военную операцию на Украине. Последствием этого стал масштабный разрыв политических, экономических и культурных связей России со странами условного Запада и, напротив, активизация отношений со странами Азии и Африки. Существенно возросла субъектность России как самостоятельного актора на международной арене. Особое значение приобрели российско-китайские отношения. Уже свыше 10 лет в российском образовательном пространстве фиксируется настоящий бум изучения китайского языка. Количество дипломированных китаеведов, ежегодно выпускаемых российскими вузами, насчитывает уже не десятки, а сотни специалистов. В последние годы заметно возрос интерес и к другим отраслям востоковедения и африканистики.

На этом политическом фоне перед российским востоковедением вновь стал вопрос о предназначении, цели и методах востоковедного образования и научного знания. Такие понятия, как государственный суверенитет, неокOLONиализм, многополярный мир, мультилатерализм как противовес унитаризму, гражданское единство вернулись в качестве тем российского общественного дискурса, вновь став объектом востоковедных исследований.

Альтернативная модель востоковедения

Попытки двигаться в направлении создания альтернативной модели востоковедения и в научном, и в образовательном смысле сегодня делаются во многих востоковедных центрах. Уже несколько десятилетий в Институте стран Азии и Африки МГУ осуществляется прием на экономическую, а в последние годы и на политологическую специализации. Востоковедение в Новосибирском государственном университете, наряду с историко-филологическим профилем, ведет подготовку по специализации «Культурология и искусствоведение». Многопрофильная магистратура уже много лет существует на Восточном факультете СПбГУ. Имеются и другие примеры. Масштабный проект такого рода свыше 10 лет осуществляется в НИУ ВШЭ. Необходимость движения в этом направлении признается на многих научных форумах и общественных обсуждениях.

Что же касается научного востоковедения, то оно так и остается, причем с рядом принципиальных ограничений, в пределах трех отраслевых специальностей — лингвистика, литературоведение и история. Междисциплинарность и трансдисциплинарность, о которой так много говорят в востоковедной среде, увы, всего лишь несбыточная мечта немногих энтузиастов.

Поясню. Во-первых, нет и не может быть реальной междисциплинарности, если нет собственно научной дисциплины; во-вторых, востоковедной междис-

циплинарности и трансдисциплинарности не возникнет, пока востоковедение не будет признано надотраслевой наукой (как кибернетика, генетика, нанотехнологии или геновая инженерия).

Самое главное: востоковедение, лишенное научной вершины — собственных диссертационных советов и аспирантуры, с неизбежностью останется в состоянии маргинализации, с трудом подбирая аргументы, чтобы доказать право на свое существование наряду с историей и филологией и внутри них. Существует мнение, которое, в частности, высказывает известный российский Китаист А.В. Лукин, что предметом востоковедения может стать изучение вестернизации незападных обществ, «механизм взаимодействия западной культуры с традиционными структурами и его последствия» [Лукин, 2023, с. 246]. Этот тезис, важный сам по себе, к сожалению, необоснованно сужает сферу востоковедных научных интересов. Подобные идеи, действительно, были актуальны в 80-е годы прошлого века. Разрушение биполярного мира, вызванное распадом СССР в 1991 г., лишило данное направление исследований актуальности, так как в постмодернистском мире модернизация, изводом которой была вестернизация, утратила прежний принципиальный смысл. СССР перестал быть объектом для подражания, а новому глобальному лидеру США не удалось монопольно закрепить эту роль за собой. В итоге, мир вступил в стадию многовекторного развития, сегодня трудно сказать, кто на кого оказывает большее влияние: Запад на страны Азии или лидеры азиатского развития на западный мир. Большую актуальность приобрела дискуссия о взаимодействии глобальных Севера и Юга, однако и эта дихотомия с неизбежностью стремится к пусть относительно, но равновесию. Поэтому очень интересная, глубокая и фундаментальная статья А.В. Лукина, на наш взгляд, достойна более масштабного вывода, например, ставящего востоковедение в положение надотраслевой науки, что делает предмет и методологию востоковедного знания понятными и конкретными. Именно на этот новый статус востоковедения и его обновленную парадигму научного знания указывает опыт ряда ведущих университетов России, где на протяжении многих лет развиваются альтернативные модели российского востоковедного образования.

Альтернативная модель востоковедного образования в НИУ ВШЭ

Востоковедная образовательная программа открылась в Высшей школе экономики в Москве в 2010 г., а в Санкт-Петербурге — в 2014 г. Сегодня эти проекты развиваются в рамках двух организационных структур: Школы востоковедения Факультета мировой экономики и мировой политики (Москва); Института востоковедения и африканистики (Санкт-Петербург)¹. У этих проектов много

¹ В 2018—19 гг. в НИУ ВШЭ из РГГУ перешла группа востоковедов, которая образовала ИКВИА (Институт классического Востока и античности), бурно развивающуюся востоковедную образовательную структуру, которая в целом сохранила приверженность историко-филологической бинарности и в образовании, и в научной деятельности.

общего, они представляют собой единую образовательную модель, но с некоторыми внутривидовыми различиями.

Поскольку автор этих строк лучше знаком с проектом НИУ ВШЭ в Петербурге, принимал участие в его развитии, то нижеследующий фрагмент будет посвящен описанию именно Санкт-Петербургской образовательной модели восточного бакалавриата, без акцентирования внимания на ее различиях с московским аналогом.

Итак, образование в Санкт-Петербургском восточном бакалавриате направлено на подготовку современных специалистов мультикультурального уровня. К базовому профессиональному образованию востоковеда, фундамент которого составляют филологические, исторические, культурологические и антропологические курсы, с третьего года обучения добавляются еще несколько профессиональных направлений, из которых учащийся выбирает одно, ему наиболее близкое.

Структура обучения востоковедов в НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург выглядит следующим образом. Два первых года студенты восточного бакалавриата, распределенные по четырем принимающим кафедрам, проходят базовый курс первого восточного языка, начинают изучать второй восточный язык, а также проходят фундаментальную подготовку по базовым восточноведным дисциплинам филологического направления, истории, географии и социально-культурной антропологии. С третьего курса студенты распределяются на две новые кафедры, где им предлагается специализироваться в таких областях знания, как экономика, международные отношения, политология, социология, религиоведение и философия, культурология и искусствоведение, в перспективе и в некоторых других. Эти специализации строятся на восточноведном фундаменте, основанием которого является изучение политической, общественной и культурной жизни стран Азии и Африки. Студент сам выбирает специализацию. В этом ему помогают консультации со специалистами-востоковедами, посещение открытых лекций и мастер-классов.

Особую роль в индивидуализации образовательной траектории играет майнор — возможность заниматься онлайн на одном из восточноведных факультетов Петербургского или Московского кампусов Высшей школы экономики. Это дает студенту возможность углубить избранную отраслевую специализацию либо, напротив, дополнить ее какой-то новой специализацией.

В завершении описания этой восточноведной образовательной модели приведем инфосхему восточноведного бакалавриата, из которой ясно, какие объемы академических часов уделены восточным и европейским языкам, как распределены предметы по курсам и группам.

Согласно информации, приведенной в инфосхеме (табл. 1), образовательная программа восточноведного бакалавриата Института востоковедения и африканистики в Санкт-Петербурге, предусматривает:

- 1) 1580 аудиторных часов по основному восточному языку;
- 2) 420 аудиторных часов по второму восточному языку;
- 3) более 400 аудиторных часов по английскому и второму европейскому языкам — немецкому, французскому или испанскому;

Таблица 1. Инфосхема

Образовательная программа «Востоковедение» (бакалавриат) НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург					
	1-й курс	2-й курс	3-й курс	4-й курс	5-й курс
Языковые дисциплины	Основной восточный язык (арабский, китайский, корейский, хинди и японский), 81 зачетная единица (з.е.) (1580 аудиторных часов)				
		Второй восточный язык (арабский, иврит, турецкий, персидский, хинди, корейский, вьетнамский, китайский и японский), 16 з.е. (420 аудиторных часов)	Второй европейский язык (немецкий, французский или испанский), 8 з.е. (200 аудиторных часов)	Продолжение изучения второго восточного языка на 4 курсе опционально, 8 з.е.	
120 з.е.	Английский язык (факультативы — 300 аудиторных часов) + предметы на английском языке				
Профессиональные базовые дисциплины (обязательные)	История стран изучаемого региона, 20 з.е. (260 аудиторных часов)			Мировоззренческие системы Востока	Актуальные проблемы современной Азии и Африки
	Введение в востоковедение	Россия и страны Востока	Политические системы и социально-политические процессы стран изучаемого региона	Теория и практика государственного управления	
	Социальная антропология стран Востока	Литература стран изучаемого региона			
	География стран Востока	Цифровая грамотность			
60 з.е.	Источниковедение стран изучаемого региона	Введение в экономику			
Блоки предметов по выбору		Майнор, 20 з.е.			
			1 из 2 Концентраций на выбор (в рамках концентраций предусмотрены специализации), 40 з.е.		
			«Общество и культура стран Востока» (возможные специализации: социология, культура и искусство, религиозная и общественная мысль, право)		
60 з.е.			«Политическое и экономическое развитие стран Востока» (возможные специализации: экономика, история международных отношений, политология, менеджмент)		
Практический блок (обязательный), 15 з.е.	Библиографическая практика				Научно-педагогическая практика
	НИС (лингвистика, литературоведение, история, социология, культурология и искусствоведение, право, психология, политология и международные отношения)				
Практический блок (по выбору), 45 з.е.		Курсовая работа по истории	Междисциплинарные курсовые работы		Выпускная квалификационная работа
				Проектная практика	

4) более 340 аудиторных часов по истории изучаемого региона в эпоху древности, в период средневековья, нового и новейшего времени.

На данный момент имеется 8 возможных отраслевых специализаций, построенных на фундаменте именно востоковедного образования. Насыщенность образовательной программы таким количеством разнообразных предметов возможна только при пятилетнем сроке обучения в востоковедном бакалавриате, на который востоковеды НИУ ВШЭ перешли шесть лет назад. Логическим продолжением развития востоковедного бакалавриата в НИУ ВШЭ в Санкт-Петербурге стало открытие в 2023 году востоковедной мультидисциплинарной магистратуры «Кросс-культурные исследования Азии и Африки в контексте международных отношений».

Вместо выводов

Вместо выводов, которые по своей форме, скорее всего, напоминали бы трудно реализуемые директивы, утопические лозунги, или, того хуже, призывы к «революционному переустройству» имеющегося востоковедения, автор просто обращается к заинтересованным читателям с пожеланием. Не стоит ли, избегая поспешных оценок, остановиться и задуматься над тем, как сохранить бесценное научное и педагогическое наследие востоковедения, накопленное многими поколениями российских китаеведов, индологов, иранистов, японистов, арабистов, африканистов, тюркологов и т. д. и т. п.? Назрела насущная необходимость расширить спектр востоковедных образовательных и научных направлений. Логичнее всего начать с того, что уже имеется, а именно с востоковедного образования, увеличив количество отраслевых специализаций, по которым готовят российских востоковедов, сделав акцент на освоении методологии междисциплинарного и трансдисциплинарного синтеза. Сегодня реально открыть аспирантуры по направлению «Востоковедение и африканистика» в тех университетах, которые имеют право на данный вид образовательной деятельности, подкрепив этот шаг созданием соответствующих диссертационных ученых советов по направлению «Востоковедение и африканистика». Параллельно с диссертационными советами по востоковедению и африканистике вполне могут действовать диссертационные советы по истории и филологическим наукам. Опасения, что новые формы востоковедного образования и научной деятельности нанесут вред традиционным отраслевым научным направлениям, едва ли обоснованы. Дело в том, что надотраслевой статус востоковедения и африканистики практически исключает столкновение его интересов с отраслевыми науками: кто-то найдет себя внутри отраслевой научной парадигмы, а кто-то воспользуется межотраслевым «окном возможностей».

Возможно также, что кому-то разнообразие востоковедного образовательного и научного ландшафтов может показаться слишком экзотичным, но современные вызовы, пользуясь терминологией А. Тойнби, столь нетривиальны, что ответить на них, действуя только традиционными методами, едва ли получится.

Наконец, завершающий тезис. Мы живем в эпоху невиданных хронокультурных трансформаций. Не только действия и идеи, но само время становится дея-

тельным фактором развития, трудно предсказуемым, неумолимо ускоряющимся и, увы, необратимым. Поэтому иногда полезнее попробовать действовать и подождать результатов, чем заранее, опасаясь провала, обрекать себя на бездействие и вероятную неудачу.

Вспомним крылатую фразу французского писателя Пьера Бомарше, которую он приписывает острому итальянскому уму: «Время — честный человек».

Библиографический список

Аликберов А.К. Комплексность востоковедения, его междисциплинарные и трансдисциплинарные перспективы // *Ориенталистика*. 2022. № 5 (4). С. 722—733.

Бартольд В. История изучения Востока в Европе и России. Санкт-Петербург, 1911.

Большая советская энциклопедия. Т. 9 / гл. ред. Б.А. Введенский. М.: Государственное научное издательство «Большая советская энциклопедия», 1951. 626 с.

Восточный вопрос во внешней политике России. Конец XIX — начало XX в. М.: Наука, 1978.

Гурко-Кряжин В.А. Востоковедение // Большая советская энциклопедия. Т.13. / гл. ред. О.Ю. Шмидт. М.: 16-я типография «МОСПОЛИГРАФ», 1929. С. 289—293.

Елфимов А.Л. Эмическое-этическое // *Культурология. Энциклопедия*. Т. 2. М.: Росспэн, 2007. С. 449—450.

История отечественного востоковедения с середины XIX века до 1917 года. М.: Восточная литература РАН, 1997. 536 с.

Лукин А.В. Востоковедение: предмет и перспективы развития в России // *Вестник СПбГУ. Востоковедение и африканистика*. 2023. № 2 (15). С.234—252.

Маккиндер Х. Географическая ось истории / пер. В. Желнинов. АСТ, 2021. 288 с.

Попова И.Ф. Классическое Востоковедение на современном этапе: проблемы и перспективы // *Проблемы востоковедения (Уфа)*. 2015. № 4 (70). С.4—13.

Фридман Дж. Следующие 100 лет. Прогноз событий XXI века. М.: Эксмо, 2010. 336 с.

References

Alikberov, A.K. (2022). Kompleksnost vostokovedeniya, ego mezhdisciplinarnyye i multidisciplinarnyye perspektivy [The complexity of Oriental studies, its interdisciplinary and transdisciplinary perspectives] // *Orientalistica*. No 5 (4). Pp. 722—733. (In Russian).

Bartold, V. (1911). Istoriya izucheniya Vostoka v Evrope i Rossii [History of the study of the Orient in Europe and in Russia]. Saint-Petersburg. (In Russian).

Big Soviet Encyclopedia [The Great Soviet Encyclopedia]. Vol.9, editor-in-chief B.A. Vvedensky. Moscow: State Scientific Publishing House “The Great Soviet Encyclopedia”. Moscow: State Scientific Publishing House “The Great Soviet Encyclopedia”, 1951, 626 p. (In Russian).

Vostochniy vopros vo vneshnei politii Rossii. Konets XIX nachalo XX v. [The Eastern Question in Russian foreign policy. Late XIX — early XX century] (1978). Moscow: Nauka. (In Russian).

Elfimov A.L. (2007). Emicheskoe-eticheskoe [Emic-ethic] // *Culturology. Encyclopedia*. Vol.2. Pp. 449—450. (In Russian).

Fridman, J. (2010). Sleduyushchie 100 let. Prognoz sobytij XXI veka [The next 100 years. Forecast of events of the XXI century]. Moscow: Eksmo. 336 p. (In Russian).

Gurkho-Kryazhin, V.A. (1929). Vostokovedenie [Oriental studies] // Big Soviet Encyclopedia, ed. O.Yu.Schmidt. Vol.13, Moscow: The 16th printing house "MOSPOLIGRAF". Pp. 289—293. (In Russian).

Istoriya otechestvennogo vostokovedeniya s serediny XIX veka do 1917 goda [The history of Russian oriental studies from Middle XIX century to 1917]. Moscow, Vostlit RAS, 1997. 536 p. (In Russian).

Lukin, A.V. (2023). Vostokovedenie: predmet i perspektivy razvitiya v Rossii [Oriental Studies as an Academic Field and Its Prospects in Russia] // Vestnik of Saint Petersburg University. Asian and African Studies. No 2 (15), Pp. 234—252. (In Russian).

Mackinder, H.J. (2021). Geograficheskaya os' istorii [Geographical Pivot of History], translated by V. Zhelminov. AST. 288 p. (In Russian).

Popova, I.F. (2015). Klassicheskoe vostokovedenie na sovremennom etape: problemy i perspektivy [Modern Classical Oriental Studies: problems and perspectives] // Problems of Oriental studies (Ufa). No 4 (70). Pp. 4—13. (In Russian).

Vostochniy vopros vo vneshnei politiches Rossii. Konets XIX — nachalo XX v. [The Eastern Question in Russian foreign policy. Late XIX — early XX century]. Moscow: Nauka. 1978. (In Russian).

* * *

Pike, K.L. (1967). Language in relation to a unified theory of the structure of human behavior. Hague: Mouton & Co, 732 p.

Said, E.W. (1978). Orientalism. USA, Pantheon Books, 368 p.

Van der Oye, D.Sch. (2010). Russian Orientalism. Yale university press, London, 291 p.

Поступила в редакцию: 02.08.2023. Received: 2 August 2023.

Принята к публикации: 14.09.2023. Accepted: 14 September 2023.